

ТИТУЛОВАННЫЕ ОГНЕБОРЦЫ РОССИИ: КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕГУКОВИЧ ЧЕРКАССКИЙ

**В.Н. Виноградов, кандидат технических наук, доцент;
Н.Н. Щаблов, кандидат педагогических наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Проанализирована деятельность одного из старейших сподвижников Петра I – князя Михаила Черкасского, первого Российского генералиссимуса. Приведена его краткая биография, показана его роль в организации пожарной охраны Москвы. Кратко описана его работа в должности воеводы.

Ключевые слова: воевода, пожар, воинские пожарные команды, застройка Москвы камнем, тушение пожара

TITLED FIREFIGHTERS RUSSIA: PRINCE MICHAEL ALEGUKOVICH CHERKAS'KYI

V.N Vinogradov; N.N. Shchblow. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Analyzed the activity of one of the oldest companions of Peter I - Prince Michael Cherkassky, the first Russian generalissimo. Bring him a brief biography shows his role in organizing the Moscow Fire Marshall. Briefly described his work in the position of governor.

Keywords: governor, fire, military fire brigades, Moscow construction stone, fire-fighting

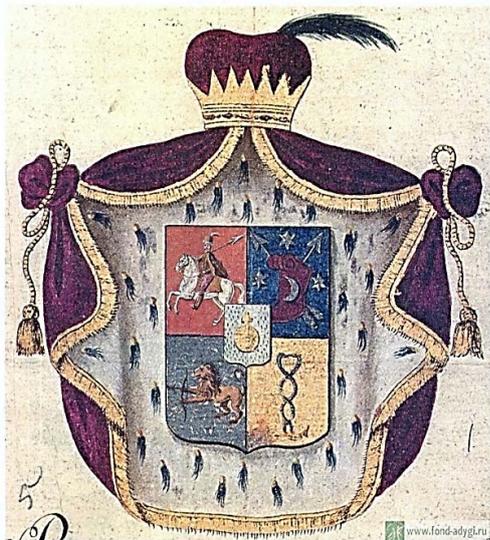
Михаил Алегукович Черкасский (1641–1712 гг. или 30 ноября 1721 г.) – князь, боярин времён Петра I, любимый народом и государем. Сын кабардинского князя Алегуко Сунчалеевича Черкасского и внук служилого князя Сунчалая Канклычевича Черкасского. Стольник (1668 г.), воевода в Великом Новгороде (1674–1675 гг.), боярин (1678 г.), воевода Казани (1681 г.), наместник Казанский и Ярославский (1682 г.), первый генералиссимус России (1695 г.), воевода Москвы (1707–1712 гг.).

Михаил Алегукович происходил из знатной семьи кабардинских князей. Он был потомок Желегот-мурзы, младшего брата князя-валия всей Кабарды – Темрюка Идаровича. Внук Желегота-мурзы, дед Михаила Алегуковича – Сунчалей Канклычевич имел наследственные земли в устье Терека. В 1588 г. на этих землях была поставлена русская крепость Терки, куда переселился из Кабарды Сунчалей Канклычевич

с сыновьями.

Сунчалей Черкасский верно служил московским царям, был с почестями принят Борисом Годуновым, достойно вел себя в Смутное время и деятельно поддержал нового царя Михаила Федоровича, за что и был жалован в князья. В переговорах с народами Северного Кавказа Сунчалей Черкасский проявил себя умным и дипломатичным посредником.

Он очень поспособствовал тому, что многие владетели Кабарды и других северокавказских

земель принесли присягу на верность русскому монарху. «Рыцари храбрые, честные и благородные, они пользовались большим уважением в народе, а в делах управления служили лучшими советчиками и помощниками терским воеводам», – писал о князе Сунчалее Черкасском и его сыновьях историк Белоруков.

Княжеский герб Черкасских

О шестом сыне Сунчалея Черкасского – Алегуко-мурзе Черкасском известно довольно мало. Но есть сведения, что в 1640 г. у терских воевод возник конфликт с Черкасскими, и Алегуко Сунчалеевич бежал в Большую Кабарду. В следующем (как предполагают в 1641 г.) у него родился сын Алей, или Али. В 1664 г. Алей, достигший совершеннолетия, выехал на службу в Москву. Там его встретили очень радушно, привечали и крестили Михаилом, а уже в 1668 г. царь Алексей Михайлович пожаловал князя Михаила Алегуковича Черкасского в стольники.

В 1674 г. Михаила Алегуковича назначили воеводой в Новгород, а для пущей солидности в переговорах с литовцами добавили титул «наместника Ярославского». В конце 1677 г. князь Михаил уже числился в боярах, а годом позже был назначен первым воеводой «большого полка у Киева против турок». Он энергично принялся за укрепление Киева, построил в окрестностях несколько небольших крепостей, навел через Днепр мост «на струнах». Турки, узнав о готовящемся им отпоре, не двинулись на Киев и вскоре заключили мир.

В августе того же 1678 г., при дипломатических переговорах ему велено писаться наместником Казанским, а 30 сентября Михаил Алегукович был уже в Москве «у руки Государевой». Уезжая из Москвы, Государь оставлял его первым из бояр.

Государь Федор Алексеевич оценил заслуги Черкасского: послал ему навстречу стольника и «изволил спрашивать о здоровье и за службы жаловал своим милостивым словом». Одними добрыми словами дело не ограничилось: после заключения Бахчисарайского мирного договора с турками и крымскими татарами, князю пожаловали вотчины в Московском и Суздальском уездах.

Чуть раньше Михаилу Алегуковичу пожаловали участок в Китай-городе в Москве между нынешними улицами Никольской и Ильинкой. Именно там теперь располагаются Большой и Малый Черкасские переулки, названные так в XVIII в. по домовладению князей Черкасских.

В том же 1682 г. князь Михаил Черкасский стал членом Боярской думы: его подпись стоит под знаменитым «Соборным деянием об уничтожении местничества», принятого в 1682 г. Заметим, кстати, что Михаил Алегукович проявил себя поистине государственным деятелем, способным в первую очередь думать об интересах страны. Ведь местничество, то есть система, при которой служебные места распределялись в зависимости от знатности происхождения, ему лично было очень выгодно – происхождение Черкасского было самым что ни на есть аристократическим. Но местничество губило Россию, и потому должно было быть уничтожено [1, 2].

После смерти государя Федора Алексеевича в России опять настали смутные времена. Начали бунтовать стрельцы. Милославские (родня матери Федора Алексеевича, первой жены царя Алексея Михайловича) стали бороться за власть с Нарышкиными (родственниками второй жены Тишайшего царя, матери будущего царя Петра). И снова Михаил Черкасский думает не о собственной, а о государственной пользе: сын Марии Милославской Иван, хилый и болезненный, был не способен самостоятельно управлять государством. И Черкасский решительно становится на сторону Нарышкиных.

Михаил Алегукович проявлял свой характер и в отдельных поступках.

Во время Стрелецкого бунта 1682 г. рисковал собственной жизнью, чтобы спасти своего личного врага боярина А.С. Матвеева – сначала уговаривал стрельцов, а затем, видя, что убеждения не действуют, силой попытался вырвать его из их рук, но попытка спасти Матвеева не удалась – он был растерзан стрельцами.

«И в тот час из бояр князь Михаил Алегукович Черкасский зело великодушное

и высокой памяти достойное дело учинил, оставя смертный час, из рук стрельцов отнял его, упав на него...И те неукротимые и человеческой крови исполненные руки, радостно и сладостно желательные, его боярина Матвеева, ни в чем не повинного, из-под него, боярина князя Черкасского, вырвав, разодрали на нем, ..., платье и потом бросили с Красного крыльца на площадь против Благовещенского собора, и с таким своим тиранством варварскими бердыщами все его тело рассекли и разрубили так, что ни один член целым не нашелся», – так о попытке Черкасского спасти от гибели своего отца вспоминал сын Матвеева, Андрей Артамонович [1].

Самого Михаила Алегукевича мятежные стрельцы не тронули. Князь Михаила был «любимым народом». Влияние Черкасского при дворе тоже было чрезвычайно велико. Его опасался сам всеильный в ту пору фаворит царевны Софьи, регентши при малолетних братьях Иване и Петре, князь Василий Васильевич Голицин – в письмах из походов он постоянно напоминал Федору Шакловитому «смотреть недреманным оком на Черкасского». Смотрели, да еще как, и милостями осыпали, но не купили: черкесские понятия о чести не умерли в обрусевшем аристократе [1].

Василий Иванович Суриков. Утро стрелецкой казни. (Фрагмент)
Крайний справа М.А. Черкасский

Государственная и реформаторская деятельность Михаила Алегукевича проявилась в царствование Петра I. Во всех реформаторских делах молодой царь ощущал рядом надежное плечо князя Черкасского. Черкес по образу мыслей и воспитанию, то есть приверженец традициям, князь Михаил Алегукевич безоглядно поверил Петру, что без реформ и флота Россия навсегда останется задворками цивилизованного мира. Царь призвал бояр вложить личные средства в строительство флота, и князь Черкасский выстроил лучшие корабли, которые удостоились восхищения Петра.

В Азовских походах царь убедился, что армии нужен единый начальник, и решил, как пишет историк Устрялов, «назначить над всеми сухопутными войсками одного главного вождя со званием генералиссимуса или воеводы Большого полка». Выбор его пал на пожилого вельможу, почтенного заслугами и характером, опытного военачальника, князя Михаила Алегукевича Черкасского.

После азовских походов, в которых Михаил Алегукевич принимал самое активное участие, по возвращении Петра в Москву, 14 декабря 1695 г. были созваны бояре и приближенные его величества и по единогласному решению этого Совета князю Черкасскому было присвоено звание первого генералиссимуса России.

После воцарения Петр I при отъездах из стольного города неизменно до 1707 г. оставлял за себя своего сподвижника по потешному воинству воеводу московского князя – кесаря Федора Юрьевича Родомановского. Он отличился особо при командовании одним из полков потешного войска и юный Петр удостоил его единственным особым воинским титулом – генералиссимус потешного войска.

Москва в то время оставалась еще по преимуществу деревянным городом, и пожары, если они возникали, уничтожали улицу за улицей. Полыхнул такой пожар и в новом 1701 г. Известный писатель Алексей Толстой, воссоздавая картину этого пожара в романе «Петр Первый», писал: «Полыхнуло в Кремле, занялось в Китай-городе, ветер был сильный, головни несло за Москву-реку. Волнами пошло пламя по городу... Ничего нельзя было спасти. Кремль выгорел дотла... сгорел старый дворец... все приказы, монастыри, склады военных снарядов; на Иване Великом попадали колокола, самый большой, в восемь тысяч пудов, – раскололся.

...Петр остановился у окна и долго глядел на пожарище. На месте недавних бойких улиц торчали на пепелищах печные трубы да обгорелые церковенки без куполов. Ненасытный ветер подхватывал тучу золы.

– Гиблое место, – сказал он внятно. – За границей города стоят по тысяче лет, а этот, не помню, когда он и не горел».

Возможно, в этот миг у него появилось желание построить новую столицу. А пожары не ждали, требовались незамедлительные меры.

Руководство борьбой с пожарами Петр I возложил на воеводу, который в 1701 г. создал для этой борьбы воинские пожарные команды из регулярных армейских частей, которые снабжались необходимыми огнегасительными приборами и инвентарем. Этим командам воевода Ф.Ю. Родомановский повелевал строго следить за соблюдением противопожарных правил режимного характера, которые содержались в «Наказе о градском благочинии», обнародованном еще в 1649 г.

В 1707 г. Михаил Алегукевич был назначен воеводой в Москве и, по должности, следил за защитой города от пожаров, то есть отвечал за его пожарную безопасность, особенно в части строительства, предотвращения пожаров, связанных с печным отоплением, и привлечения воинских подразделений для тушения пожаров. В «Дневнике путешествия в Московское государство» Иоанна Георга Корба, секретаря посольства Священной Римской Империи читаем: «Князь Михаил Алегукевич Черкасский, достоуважаемый по своим летам и характеру; честностью непорочной жизни и своею почтенною сединой, князь Черкасский заслужил всеобщую любовь. В бытность нашу в Москве, царь [Петр], отправляясь в Азов, назначил князя Черкасского своим наместником и передал ему власть над городом Москвой, не зависящую ни от кого более, как только от государя» [1, 3].

Уже в этом году внимание только что назначенного воеводы привлекли московские деревянные мостовые, недостаточно удобные для езды и опасные в пожарном отношении. Эти мостовые были запрещены и вместо них М.А. Черкасский приказал мостить улицы диким камнем. Гости и посадские люди должны были за свой счет возить камень, а крестьяне, приходя в Москву, обязаны были приносить с собой не менее трех камней и отдавать их у городских ворот целовальникам. Одновременно с этим строжайшим образом было запрещено в Китай-городе возводить деревянные строения.

Во время своих отлучек из Москвы, что в это время случалось очень часто, Царь Петр почти всегда оставлял своим заместителем Михаила Алегукевича, вел с ним деятельную переписку, сообщал о своих победах и в письмах ко многим из своих сподвижников приказывал «исправлять... всё, о чем станет говорить господин Черкасский». В отличие от другой знати, боярину Стрешневу и князю Черкасскому Петр Первый разрешил носить

бороду. Боярин Стрешнев был одним из самых близких для Петра человеком, «своим» человеком, а князь Михаил Алегучкович Черкасский не подвергся брадобритию в силу своего преклонного возраста и огромного уважения.

Но, несмотря на столь весомую царскую поддержку, осуществить все приведенные выше замыслы по обеспечению пожарной безопасности города воевода Черкасский в силу ряда обстоятельств так и не смог.

Застройка Москвы камнем (кирпичом) была связана с большими трудностями, не хватало кирпича, сказывались дороговизна построек и нежелание жителей города расставаться с деревянными теплыми жилищами. По-прежнему в архитектурном облике столицы преобладали деревянные строения, среди которых одиноко высились кирпичные монастыри, храмы, церкви, дворцы и хоромы состоятельных людей, казенные заведения. В пожарном отношении положение усугублялось беспорядочной, хаотичной застройкой, путаницей кривых улиц и тупиков, отсутствием пространства (разрывов) между постройками. Малейшая неосторожность с огнем в ветреную погоду могли привести к гибели города.

Меры по предотвращению пожаров, связанных с печным отоплением, оставались прежними. В неприкосновенности был запрет на топку печей в избах в летнее время и ряд других ограничений, к которым московские обыватели давно уже привыкли и не считали их обременительными.

М.А. Черкасский, остававшийся первым в Москве, сознавал необходимость не только предотвращения пожаров, но и упорядочения их тушения. В повинностной пожарной охране того времени как бы сами обыватели не были заинтересованы в борьбе с огнем, как бы они ни стремились правильно и толково действовать на пожарах, – всё-таки среди всеобщей суматохи трудно было ожидать порядка и организованности.

В повинностной пожарной охране, сложившейся в столице, каждый действовал по своему разумению: ломал постройки, лил воду из ведер куда попало, растаскивал бревна и доски, а многие обыватели просто уклонялись от опасной работы или совсем не являлись на пожар. Поэтому участие в тушении пожаров регулярных войск, привыкших к дисциплине и точному выполнению приказов, Михаил Алегучкович считал исторической необходимостью. Он создал в Москве воинскую пожарную охрану, офицеры и солдаты которой постоянно несли воинскую службу, а по тревоге были обязаны осуществлять тушение пожаров вместе с обывателями города.

Воинские команды (полки, а чаще роты) были разделены на две части: одна из них предназначалась для явки на пожар, а вторая представляла собой резерв, который нес караульную службу, но в случае крайней необходимости также привлекался к тушению пожара.

В первое время воинские команды не располагали средствами для закупки огнегасительных инструментов. По ходатайству князя Черкасского Правительствующий Сенат изыскал возможность выделения денежных средств только на закупку для московских полков 500 топоров и 500 ведер и кошелей. [3]

Современники дали М.А. Черкасскому самую лестную характеристику и был «он отличался, – пишет И. Корб, – *степенностью, приличной его пожилым летам... и своею честностью, непорочной жизнью... заслужил всеобщую любовь*».

Михаил Алегучкович Черкасский был дважды женат. Его первой женой была Авдотья Даниловна Великогагина, дочь окольничего, князя Данилы Степановича Великогагина (умерла 1675 г.), от брака с которой имел трех сыновей (Андрея, Василия и Бориса).

Вторично женился на Евдокии Ивановне Пожарской (1672–1738 гг.), дочери воеводы и стольника князя Ивана Дмитриевича Пожарского и внучке знаменитого Дмитрия Михайловича Пожарского. Во втором браке имел дочь Анну.

Дети А.М. Черкасского тоже занимали почётные должности при Императорском дворе.

Андрей Михайлович Черкасский (1668–1701 гг.) – комнатный стольник царей Ивана и Петра Алексеевичей (1676–1692 гг.), один из первых офицеров Преображенского полка.

В 1695–1696 гг. участвовал в Азовских походах. Был женат с 1683 г. на Анне Федоровне Куракиной (1662–1709 гг.), дочери боярина князя Федора Федоровича Куракина (умер 1680 г.). Их единственным сыном был Александр Андреевич Черкасский.

Василий Михайлович Черкасский скончался, не оставив потомства.

Борис Михайлович Черкасский (1679–1721 гг.) – комнатный стольник царей Ивана Алексеевича (1682 г.) и Петра Великого (1686–1692 гг.), поручик лейб-гвардии Семеновского полка (1699 г.), затем капитан лейб-гвардии. Был женат с 1694 г. на Марфе Степановне Ромодановской (1680–1723 гг.), дочери стольника князя Степана Васильевича Ромодановского и Евдокии Алексеевны Голицыной.

Анна Михайловна Черкаская (умерла после 1716 г.), жена с 1692 г. князя Владимира Михайловича Долгорукого, комнатного стольника Петра (1676–1692 гг.).

Год смерти князя Михаила Алегуковича Черкасского в точности не известен, по одним сведениям он умер 30 ноября 1721 г., по другим, – в 1712 г.

Сведения о Михаиле Черкасском, оставленные нам историей говорят о человеке незаурядного ума, воинского таланта и защитника столицы нашей – Москвы от пожаров и вполне заслуженно он первым в России был удостоен высшего воинского звания – генералиссимус.

Литература

1. Черкасские. Михаил Алегукович, боярин ума государственного. URL: <http://fond-adygi.ru/page/cherkasskie-mihail-alegukovich> (дата обращения: 25.10.2016).

2. Князь Михаил Алегукович Черкасский. URL: <http://deduhova.ru/statesman/category/xvii-vek/feed> (дата обращения: 25.10.2016).

3. Луговой А.А., Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н. Титулованные огнеборцы царской России. СПб.: С.-Петербург. ун-т. ГПС МЧС России, 2016.